

ИСТОРИЯ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ

К. С. Козлов

УЧАСТИЕ УРАЛЬСКИХ ПРОФСОЮЗОВ В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ И УРЕГУЛИРОВАНИИ ЗАБАСТОВОЧНОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОДЫ НЭПА

Исследование выполнено при финансовой поддержке Федеральной целевой программы
«Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.».

Государственное соглашение № 14.В37.21.0001.

Изучается роль профсоюзов в урегулировании стачечного движения на Урале в 1920-е гг. Характеризуется политика профсоюзов на частных и государственных предприятиях. На основе архивных материалов делается вывод о том, что по целому ряду причин им далеко не всегда удавалось направлять протестное движение в мирное русло.

Ключевые слова: трудовые конфликты, профсоюзы, забастовки, нэп, государственная политика, Уральская область.

В современном российском обществе постепенно начинают формироваться профсоюзы нового типа, которые подчиняются не государству и партии, а представляют интересы трудящихся. В то же время по опросам ВЦИОМ граждане по-прежнему мало доверяют профсоюзам¹. Около половины россиян считают, что их права в действительности никто не защищает. Однако построение эффективной рыночной экономики должно сопровождаться тесным диалогом между трудом и капиталом. Опыт нэпа актуален тем, что именно в этот период возникла модель трудовых отношений, в которой профсоюзы выступали на стороне администрации предприятий, а интересы рабочих отходили на второй план. Если в социалистической экономике этот парадокс не имел большого значения, то при хозрасчете такая роль профсоюзов являлась просто абсурдной. В сущности, в 1920-х гг. и сложился негативный образ профсоюзов, который до сих пор не изжит. Один из способов искоренить это негативное впечатление – понять его истоки.

Деятельность уральских профсоюзов по разрешению трудовых конфликтов в период нэпа стала изучаться с 1920-х гг. Активные дискуссии шли как на страницах центральных изданий «Вестник труда» и «Вопросы труда»², так и в «Рабочем журнале», издаваемом Уральским областным советом профсоюзов. Современники пытались критически оценить роль профсоюзов в урегулировании трудовых споров, поэтому часто отмечали недостатки в их работе. В частности, под-

черкивалась слабая связь между рабочими и профсоюзами: «по целому ряду вопросов, которые могут получить свое непосредственное разрешение в низовых профессиональных организациях, трудящиеся зачастую обращаются к инспектору труда»³.

Дальнейшее развитие советской историографии проходило в русле классового подхода⁴. Утвердилась позиция, что на частных и арендных предприятиях «профсоюзы, опираясь на поддержку органов Советской власти, твердо защищали интересы рабочих и добивались удовлетворения их требований»⁵. Однако исследователи почти не касались забастовок на государственных предприятиях. Главный вывод большинства работ – восстановление промышленности проходило в мирном ключе под чутким руководством партии и профсоюзов, а сознательные советские рабочие прекрасно понимали недопустимость забастовок на государственных предприятиях.

В современной историографии наблюдается значительный интерес к рассматриваемой проблеме. В целом, исследователи отказались от классового подхода, что позволило объективно взглянуть не только на причины и масштабы забастовочного движения, но и на работу профсоюзов⁶. Сейчас в исторической науке признается, что забастовочное движение охватило не только (или точнее не столько) частные предприятия, но и государственный сектор экономики. Кроме того, вводятся в научный оборот новые документы⁷, развивается региональный аспект⁸. Отдельно стоит отметить труды уральских истори-

ков, касающиеся деятельности профсоюзов: М. А. Фельдмана, Н. М. Прошиной⁹. Тем не менее, остается ещё много дискуссионных вопросов. В частности, забастовки на предприятиях Урала ещё не были предметом специального исследования.

Задача данной статьи – оценить роль профсоюзов в предотвращении и урегулировании забастовок. Для этого необходимо изучить положение уральских профсоюзов в годы нэпа, охарактеризовать основные направления профсоюзной политики, проанализировать действия профсоюзов во время забастовок.

Уже в начале нэпа руководители советского государства были обеспокоены проблемой трудовых конфликтов в новых условиях. Вот что писал по этому поводу глава ВЦСПС М. А. Томский: «Не поведет ли защита интересов рабочих со стороны профсоюзов к острому столкновению их с администрацией государственных предприятий и допустимо ли принципиальное признание стачек, как формы борьбы даже на государственных предприятиях?»¹⁰ Большевикам нужно было сразу четко определить тактику профсоюзов в отношении крупных трудовых конфликтов, как на частных, так и на государственных предприятиях. Стачки были признаны вредным оружием в руках рабочих, так как они нарушали нормальное функционирование народного хозяйства, но официально не запрещались. В резолюции «Роль и задачи профсоюзов в условиях новой экономической политики» отмечалось, что возникновение забастовок возможно, когда налицо «неправильные действия хозяйственных органов, отсталость известных рабочих групп, провокационная работа контрреволюционных элементов или, наконец, непредусмотрительность самих профорганизаций»¹¹. Профсоюзы должны были ориентироваться на принцип: «легче предупредить, чем лечить». Образно говоря, им отводилась роль «терапевтов», сохраняющих мирное и безболезненное восстановление экономики, поэтому столько внимания уделялось массовой работе и пропаганде. Профсоюзам рекомендовалось «всегда знать настроения рабочих и зарождающиеся конфликты»¹². Для своевременного урегулирования трудовых конфликтов представители союза должны были крепко поддерживать связь с рабочими, чтобы те чувствовали их поддержку. «Представитель со-

юза немедленно по прибытии на предприятие должен направиться не в контору заводского управления, как это практикуется сейчас, а в фабрично-заводской комитет и вместе с ним – непосредственно к рабочим»¹³.

Очевидно, что с этой ролью уральские профсоюзы не справились, во многом по объективным причинам. С началом нэпа вступление в профсоюзы стало добровольным, что больно ударило по их финансовому положению; существенно сократился аппарат. «На Урале (в территориальных рамках Уральской области) сокращение оказалось значительным – с 611,5 тыс. в октябре 1921 г. до 273,2 тыс. членов в октябре 1922 г.»¹⁴. Работники государственных учреждений и предприятий покидали профсоюзы, так как уходили в частную торговлю. Кроме того, в профсоюзах сократилось число кустарей. Трудное положение профсоюзов в первые годы нэпа отмечено в «Отчете о проведении новых союзных задач профорганизациями Урала за период с 1-ого апреля по 1-ое августа 1923 г.»¹⁵. В частности, там отмечается, что во многих губернских отделах осталось только по одному ответственному работнику, не было разделения на подотделы.

В целом ряде источников можно найти сведения, что профсоюзы Урала неумело защищали интересы рабочих, прежде всего, на государственных предприятиях. Например, на Полевском заводе ФЗК без надобности обострил взаимоотношения с администрацией на почве конфликтов, хотя до этого не смог обосновать требования по оплате простоев и выдаче спецодежды. На Ревдинском заводе пленум ФЗК ни разу не обсуждал вопроса о выполнении коллективного договора. В других случаях грамотную работу профсоюза по борьбе с нарушением трудового законодательства затрудняло «отсутствие у работников ФЗК юридических знаний, в то время как администрация в этом деле сильнее»¹⁶.

Плохое обслуживание частных предприятий было замечено в Нижнем Тагиле, где Средне-уральский райком металлистов объединял 19 частных мастерских, в которых работало от 3 до 25 человек. «За период с 15/7 до 1/10 проведено по одному собранию в 3-х мастерских, было одно собрание уполномоченных. В общем, работа находилась в совершенно неудовлетворительном состоянии»¹⁷. Только в октябре 1925 г. был создан местком, объединивший все частные мастерские.

В 1925 г. в «Докладе об обследовании профработы в Уральской области» суровой критике со стороны вышестоящих инстанций подверглась профсоюзная работа на американской асбестовой концессии Хаммера. Подчеркивалась неудовлетворительная работа рудкома: «...актива из рядовых членов союза совершенно нет, поэтому рудком фактически превращен в справочное бюро»¹⁸. Также там отмечалось, что рабочие не в полном объеме получают спецодежду, нет вентиляции, респираторов в мастерских, где стоит столбом асбестовая пыль. Более того, в докладе рисуется картина откровенной эксплуатации: «...рабочие говорить открыто о некоторых вещах боятся, ибо после этого были случаи притеснения или даже увольнения. Заработная плата очень низка. Работают сдельно, но часто не выработывают своей тарифной ставки. У лучших работников при 100 % нагрузки приработок выразился только в 6 %»¹⁹.

Конечно, успешная работа профсоюзов во многом зависела и от реального участия рабочих в жизни предприятия, как частного, так и государственного. На фоне уже отмеченного резкого сокращения членов профсоюза (даже в 1925 г. их было меньше, чем в 1921 г.²⁰) этот фактор приобретал особое значение. Однако зачастую даже активным рабочим было трудно выразить свое мнение. Вот как это проявлялось: «...несмотря на существование 3 смен цеховое собрание устраивается только одно, и в нем может принять участие только одна свободная смена. Собрания происходят в помещении тесном и душном. Все участники собрания стоят. Собираются непосредственно после работы, и рабочие долго выстоять так на одном месте не могут. Расходятся»²¹. Необходимо отметить, что речь здесь идет не о каком-то конкретном заводе – описывается ситуация в целом. На некоторых предприятиях практиковался «принудительный способ удержания на цеховых собраниях путем задержки “бирок”». При таких условиях большая часть рабочих бродила по заводу, дожидаясь, когда выдадут бирки, не принимая участия в заседании и только озлобляясь против чинимого над ними насилия»²².

Важно отметить, что уральским профсоюзам не удавалось направлять разрешение трудовых конфликтов в мирное русло, так как неудовлетворительно проходила работа расценочно-конфликтных комиссий примирительных камер и третейских судов. На

профсоюзы возлагалась задача по конструированию этих органов, поэтому с них нельзя снимать ответственность. «Обычно профессиональные комитеты рекомендовали в члены комиссий опытных квалифицированных рабочих, кандидатуры которых согласовывались вышестоящими профсоюзами»²³. Однако стоит понимать, что даже при жестком отборе в них попадали люди, которые не были подготовлены к такой деятельности, да и не хотели ей заниматься.

Безусловно, рабочим не нравилась медлительность в разрешении споров. «Разговаривают о премии с ноября прошлого года, а теперь уже март 1925 г., а премии все нет. Охота отпадает у всех рабочих работать, когда обманывают»²⁴. Неудивительно, что долго копившиеся недовольства вскоре перерастали в забастовки.

Важным моментом, который подчеркивают многие исследователи, является различие позиций профсоюзов на частных и государственных предприятиях. Тенденция профсоюзов к сглаживанию конфликтной ситуации на государственных предприятиях отмечалась уже современниками: «...учитывая интересы государственного хозяйства, союзные организации, очевидно, смягчают требования рабочих, занятых в государственной промышленности, стараясь не обострять положения до конфликта, в то время как по отношению к частным предпринимателям они практикуют совершенно иную линию поведения»²⁵. В работах 2000-х гг. также отмечается данное обстоятельство: «...в отношении трудовых конфликтов на негосударственных предприятиях (частных, арендных и концессионных) власть в лице профсоюзов всегда занимала очень жесткую позицию по отношению к владельцам, расценивая любое отклонение от КЗоТ как преднамеренное усиление эксплуатации»; «...в переговорах с частником профсоюзы порой выдвигали заведомо неосуществимые требования, а в случае их невыполнения объявлялась стачка»²⁶.

Однако нельзя однозначно говорить, что при первой же возможности профсоюзы стремились организовать забастовку на частном предприятии. На этот счет ВЦСПС специально инструктировал местные профсоюзные организации: «...и в отношении частной промышленности союзы должны помнить, что в данной экономической обстановке и при наличии безработицы стачка, как метод борь-

бы, даже на частных предприятиях, противоречит интересам пролетариата как класса»²⁷.

Иногда профсоюзы даже не знали, что на каком-то частном предприятии рабочие начали забастовку, поэтому первое время она проходила автономно. Например, 10 декабря 1922 г. на арендном заводе сельскохозяйственных машин в городе Кунгуре началась забастовка в связи с невыплатой жалования рабочим и нарушением правил охраны труда. «Хотя стачка эта и вспыхнула без предварительного осведомления соответствующего губотдела, все же ГСПС вменил Райкому металлистов в обязанность принять на себя руководство движением с тем, чтобы одновременно указать местам на необходимость своевременного информирования губотдела и истребования предварительного согласия его на объявление стачки. Сведений ещё не поступило, но завод опять работает»²⁸.

Конечно, этот вовсе не говорит, что профсоюзы безразлично относились к волнениям на частных предприятиях. Наоборот, иногда, вооружившись «знаменем классово-борьбы», они жестко давили на предпринимателей. В сентябре 1923 г. по постановлению союза начались сразу две забастовки: на чугунно-металлической мастерской Арусанникова и чугунно-литейной мастерской Целовальникова. Причина формулировалась довольно неопределенно: «... договор кончился, а арендатор новый колдоговор на условиях, предложенных райкомом, заключить не согласился»²⁹. Дела дошли до народного суда, который признал правоту рабочих и профсоюза. В итоге предприниматели оплатили все судебные издержки, а также суммы за простой, выплату выходного пособия и др.

В целом, когда возникало недовольство со стороны рабочих на государственных предприятиях, то профсоюзы зачастую не стремились активно защищать их интересы. Главной задачей было не допустить остановки производства, а конфликт должен был решаться в специальных органах. Безусловно, это подрывало авторитет профсоюзов в глазах трудящихся. Рабочие уже не надеялись на помощь профсоюза, поэтому пытались действовать собственными силами. Например, на Березняковском содовом заводе рабочие отказались приступить к работе после окончания ремонта из-за хронической задолженности по заработной плате: «...завком, вместо того, чтобы взять на себя защиту спра-

ведливых интересов рабочих, занимался их уговариванием приступить к работе, и рабочие выбрали и послали в центр особых делегатов для защиты своих интересов. Попутно выясняется, что посылка таких делегаций составляет постоянное явление, и Областком химиков, а также В.-Камское Окрпрофбюро не принимали соответствующих мер. Поведение Завкома несомненно является следствием производственного уклона в работе союзов»³⁰. Как видно из этого отрывка, на государственных предприятиях профсоюзы постоянно находились между молотом и наковальней. С одной стороны, по своему долгу они вынуждены были отстаивать права рабочих, в частности, на своевременную выплату заработной платы. С другой, «производственный уклон» требовался для восстановления экономики. Именно поэтому забастовка на государственном предприятии зачастую начиналась вопреки постановлению союза. Например, 21 июня 1923 г. на прокатном заводе в Надеждинске рабочие одного из цехов прекратили работу. Как отмечается в бланке регистрации: «Забастовкой руководили сами рабочие, а меры к ликвидации принимались ФЗК и Ур. ВСРМ. Забастовка была улажена непосредственными переговорами рабочих с нанимателями»³¹. Также без санкции профсоюза начинались забастовки на Верхне-Кыштымском заводе 28 июня 1923 г.³², на заводе им. Коллющенко 27 ноября 1928 г.³³, на Каслинском заводе 1 октября 1928 г.³⁴ и др.

В сущности, когда дело доходило до решения серьезного конфликта, все разговоры о «живой связи» рабочих и профсоюзных деятелей уходили на второй план. Забывалась даже и юридическая сила коллективных договоров. Такие эпизоды носили массовый характер, что в итоге помешало реализовать изначально заложенные принципы профсоюзной работы.

Впрочем, бывали случаи, когда профсоюзы поддерживали рабочих на государственных предприятиях. На Надеждинском заводе 18 июня 1923 г. началась забастовка. Рабочие требовали повысить разряды и уменьшить нормы выработки. Бланк регистрации свидетельствует, что «... забастовкой руководил фабзавком и райком союза металлистов. С противной стороны Надеждинское заводоуправление»³⁵. 15 сентября 1928 г. в Челябинске на предприятии по разработке торфа рабочие объявили забастовку, потому что им

не выдавали спецодежду. Здесь так же «забастовкой руководил Фабзавком»³⁶.

Говоря объективно, это были исключения из правил. Анализируя данные случаи, можно заметить, что заводоуправление в данных ситуациях становилось куда сговорчивее. Например, на разработках торфа рабочим была сразу выдана спецодежда и выплачена компенсация. Разумеется, эти немногочисленные примеры вовсе не говорят, что профсоюзы активно отстаивали интересы рабочих. Скорее, наоборот, по малозначительным делам они были готовы взять сторону трудящихся, но когда речь шла о значительных задержках зарплаты, то профсоюзы фактически защищали интересы государственного предприятия.

Итак, с начала 1920-х гг. профсоюзы перешли к финансовой независимости от партийных и государственных органов, получая деньги только от членских взносов. Несмотря на логичность этого шага в новых условиях рыночной экономики, он не принес желаемых плодов – связь с трудящимися не была налажена. Уже в начале нэпа после нескольких выступлений доверие рабочих к профсоюзам было серьезно подорвано. Существовая на членские взносы, профсоюзы продолжали проводить линию партии на государственных предприятиях, но при этом часто не могли защитить интересы рабочих на частных предприятиях из-за серьезного ослабления своего аппарата. Как показывает конфликтная практика, профсоюзы не контролировали ситуацию, когда дело доходило до крупных забастовок. Выступления рабочих проходили стихийно, что относится как к частным, так и к государственным предприятиям. Ход забастовок очень четко выявлял абсурдный статус профсоюзов. Таким образом, участие профсоюзов в урегулировании забастовочного движения сводилось к минимуму, так как не были налажены механизмы по предотвращению крупных трудовых конфликтов.

Примечания

¹ URL : <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111254>.

¹ Ватолин, Н. Практика тарифно-конфликтной работы в органах НКТ на Урале // *Вопр. труда*. 1926. № 11; Герцык, Е. Итоги конфликтной практики на Урале // *Вопр. труда*. 1927. № 1; Иозефович, С. Трудовые конфлик-

ты в первой половине 1923 г. // *Вестн. труда*. 1923. № 9.

³ *Рабочий журн.* 1925. № 1. С. 3.

⁴ Плотицкий, В. А. Уральская партийная организация в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921–1925 гг.). Свердловск, 1953; Иванов, В. П. Профсоюз Урала в восстановительный период (1921–1925 гг.). М., 1962.

⁵ *История профсоюзов Урала*. М., 1984. С. 92.

⁶ Борисова, Л. В. «Советский тред-юнионизм»: профсоюзы и забастовочная борьба в годы НЭПа // *Рос. история*. 2007. № 6; Уразова, С. А. Особенности работы профсоюзов на частных предприятиях в годы НЭПа // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 6 (20).

⁷ Борисова, Л. В. : 1) Забастовочное движение в советской России в первой половине 1920-х гг. в зеркале архивных фондов // *Отечеств. арх.* 2009. № 2; 2) «Таракан во щак»: профсоюзы и забастовки в период нэпа в документах российских архивов [Электронный ресурс] // *Русский исторический сборник*. Вып. III. URL : <http://moscowia.su/images/ris3/9.htm>.

⁸ Чолахян, В. А. Трудовые конфликты в промышленности Нижнего Поволжья в 1920-е гг. // *Вестн. Сарат. госагроун-та им. Н. И. Вавилова*. 2006. № 5; Камардин, И. Н. Стачечная борьба рабочих частных предприятий в период нэпа : на материалах Среднего Поволжья // *Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук*. 2008. Т. 10, № 4.

⁹ Фельдман, М. А. Рабочие крупной промышленности Урал в 1914–1941 гг. Екатеринбург, 2001; Прошина, Н. М. Концептуальные основы исследований профдвижения на Урале в годы НЭПа (1921–28 гг.) // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2010. № 4.

¹⁰ Томский, М. А. Новые задачи союзов // *Вестн. труда*. М., 1922. № 1. С. 8.

¹¹ *Протоколы одиннадцатого съезда РКП (б)*. М. : Партиздат, 1936. С. 558–559.

¹² ГАРФ. Ф. Р. 5451. Оп. 6. Д. 300. Л. 1–2.

¹³ Томский, М. А. Новые задачи союзов. С. 10.

¹⁴ *История профсоюзов Урала*. М., 1984. С. 87.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р. 5451. Оп. 6. Д. 162. Л. 1–20.

¹⁶ Профсоюзы Урала в 1926–28 гг. Свердловск, 1928. С. 82.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р. 5451. Оп. 9. Д. 269. Л. 20.

¹⁸ Там же. Л. 76.

¹⁹ Там же. Л. 77.

- ²⁰ История профсоюзов Урала. М., 1984. С. 87.
- ²¹ ГАРФ. Ф. Р. 5451. Оп. 9. Д. 269. Л. 20.
- ²² Там же. Л. 21.
- ²³ Юдина, Т. В. Расценочно-конфликтные комиссии на концессионных предприятиях СССР в годы Новой экономической политики // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 16 (154). История. Вып. 32. С. 44.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. Р. 5451. Оп. 9. Д. 269. Л. 225.
- ²⁵ Майзельс. Конфликтное движение в Москве в начале 1922 г. // Вестн. труда. 1922. № 5. С. 54.
- ²⁶ Борисова, Л. В. Трудовые отношения в советской России. М., 2006. С. 237; Камардин, И. Н. Стачечная борьба рабочих частных предприятий в период нэпа : на материалах Среднего Поволжья // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. 2008. Т. 10, № 4. С. 1100.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. Р. 5451. Оп. 6. Д. 300. Л. 1–2.
- ²⁸ Там же. Д. 162. Л. 20.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. Р. 5451. Оп. 7. Д. 672. Л. 73.
- ³⁰ ГАРФ. Ф. Р. 5451. Оп. 9. Д. 269. Л. 20.
- ³¹ ГАРФ. Ф. Р. 5451. Оп. 7. Д. 672. Л. 3.
- ³² Там же. Л. 2.
- ³³ ГАРФ. Ф. Р. 5515. Оп. 26. Д. 86. Л. 150.
- ³⁴ Там же. Л. 155.
- ³⁵ ГАРФ. Ф. Р. 5451. Оп. 7. Д. 672. Л. 4.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. Р. 5515. Оп. 26. Д. 86. Л. 343.